

УДК 94(517)"6/10"

КОНЦЕПТЫ «ВОЖДЕСТВО» И «ГОСУДАРСТВО» В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей А. Васютин^{1, @, *}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ vasutin@history.kemsu.ru

Поступила в редакцию 13.05.2016.
Принята к печати 13.09.2016.

Ключевые слова: вождество, государство, Центральная Азия, кочевые империи, аналоги государственности.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014/К.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы оценки политических институтов раннесредневековых империй Центральной Азии. В существующих подходах к определению управленческих систем имперских объединений кочевых племен делается акцент на таких концептах, как «вождество» и «государство», но в том и другом случаях исследователям приходится констатировать отсутствие полного соответствия властных структур кочевых империй классическим признакам вождества и государства, делать постоянные оговорки, размывающие содержание данных понятий. Цель работы – рассмотреть возможность решения обозначенной проблемы с помощью применения более широкого спектра терминов, характеризующих разные политические системы и этапы в их развитии, в отношении раннесредневековых кочевых империй. Методологической основой статьи являются современные концепции многолинейности и многообразия политогенеза. В результате исследования выявлены ряды понятий, которые позволяют более адекватно отразить специфику политических институтов разных кочевых империй или наоборот, сделать подобную оценку более нейтральной, но дающей четкое понимание уровня сложности политической организации.

Для цитирования: Васютин С. А. Концепты «вождество» и «государство» в оценке политических институтов раннесредневековых империй центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 22 – 27. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-22-27.

Продолжающийся дискурс вокруг политических систем кочевых империй Центральной Азии, обуславливает необходимость привлечения дополнительного научного инструментария в виде понятий и концепций, которые смогли бы наиболее адекватно отразить специфику властных институтов масштабных имперских объединений кочевых племен.

Помимо традиционных оценок кочевых империй как государств («кочевых государств») [26, 1994; 27, с. 31 – 40; 25; 8; 12, с. 90 – 121; 13, с. 112 – 275; 14, с. 29 – 31, 89 – 117; 29, 239 – 247; 3 и мн. др.] и таких «ностальгических» трактовок степной власти, как «феодалной» («феодалная государственность», см., например: [2]), в современной номадологии для характеристики политических структур кочевых империй и механизмов их функционирования применяют концепцию вождества (англ. chiefdom) [30, с. 280 – 285; 20, с. 241, 244 – 247, 21, с. 26, 31, 111 – 115, 143 – 145], антропологическую теорию Ибн-Хальдуна [1, с. 107 – 108; 21, с. 303; 22, с. 165 – 167; 24, с. 485], разработанную А. М. Хазановым типологию кочевых государств [30, с. 366 – 369] и такие специфические определения, как «экзополитарная (внешнеполитическая) и дистанционная эксплуатация», ксенократическая государственность, «престижная экономика» и др. [16; 19, с. 26 – 28; 20, с. 184 – 186, 234, 235, 249; 21, с. 36, 119, 131 – 132; 154 и др.]. Оригинальностью отличаются исследования американского антрополога Д. Снита, по-

лагавшего, что в кочевых империях власть принадлежала аристократическим домам, в то время как центральная власть полностью зависела от аристократии (теория «безголового государства» / «Headless State» у кочевников) [31].

Рассмотрим применение теории вождества к кочевым империям, поскольку это всеобъемлющее понятие, разработанное на широкой серии исторических обществ с разным типом хозяйства, культурой и традициями. Концепт «вождество» возник и приобрел популярность в исследованиях неозволюционистов (М. Фрид, Э. Сервис, Р. Карнейро, Т. Ёрл, Х. Классен, П. Скальник и др.). Чифдом (вождество) рассматривался как самостоятельный этап политогенеза между акефальными племенными сообществами и государством. По мере накопления исторических и этнологических материалов, исследователи стали выделять разные типы вождеств (военные, теократические, тропико-лесные, прибрежные и т. п.), дифференцировать их по степени сложности (простые, сложные / компаундные, максимальные, суперсложные и др.) [17].

На сегодняшний день теория вождества является ключевым «научным инструментом» для обоснования догосударственного статуса большинства кочевых объединений Евразии. Среди российских исследователей главным сторонником ее применения в отношении кочевых империй Центральной Азии является член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор Н. Н. Крадин. Наиболее

обстоятельная характеристика политической системы имперской политики как суперсложного вожества им была представлена в монографии «Империя Хунну» [18; 20]. Опорной моделью для исследователя послужило понятие «сложное вожество» как объединение вторичных племен в единый союз с общей системой управления и культов. В неэволюционизме сложное вожество рассматривалось как ступень, с которой земледельческие общества потенциально могли совершить переход к государству. Тем самым сложное вожество может быть охарактеризовано как этап в становлении государства. Н. Н. Крадин, считая кочевые империи более крупными племенными конфедерациями, которые по людским ресурсам, территории и военному потенциалу намного сложнее компаундных вожеств, в рамках своего подхода сделал логичный вывод о том, что имперские объединения кочевых племен представляли собой вожества с максимальным уровнем сложности. В связи с этим он ввел в научный лексикон кочевых империй новое определение, направленное на то, чтобы отразить большую масштабность и иерархичность кочевых империй – суперсложное вожество. И хотя сам исследователь в публикациях делал разные оговорки («Суперсложное вожество в форме кочевых империй – это уже реальный прообраз раннего государства...» [20, с. 245; 21, с. 31]) концептуально он оценивает степные имперские политики как переходные, но не достигшие уровня ранней государственности.

Оценка хуннской империи Н. Н. Крадиным как суперсложного чифдома может обозначена как базовая для характеристики имперских объединений кочевников в Центральной Азии, но это не означает, что не могут быть предложены различные альтернативные трактовки. Рассмотрим возможность применения иных определений сущности политических институтов в кочевых империях на примере Тюркских каганатов.

Тюркские каганаты имели сложную структуру власти (единый политический центр в ставке кагана, так называемые «крылья» во главе с ябгу и шадом, уделы членов рода Ашина, представительство центра в подчиненных племенных союзах и общинах в лице тутуков, региональных «управленцев» разного уровня), многоуровневую систему иерархии племенных политий, интегрированных в империю, обширный территориальный охват). Но все же по ряду ключевых показателей в отношении Тюркских каганатов нельзя сказать о классических формах государственности, даже ранней государственности. По формальным признакам более или менее обосновано можно говорить о переходной или зачаточной государственности. Но в этих определениях граница между сложными формами вожеств и государственностью практически размыта.

Чего же не хватает имперским каганатам, чтобы у нас были основания без всяких оговорок заявлять о государстве?

Во-первых, в каганатах отсутствовали специализированные чиновники. Указанные выше «администраторы» в основном представляли титульную и племенную аристократию, их управленческая деятельность, особенно на уровне провинций не была результатом специальной подготовки (за исключением военных функций), она не отделялась от других занятий, не стала профессией, а сами носители данных полномочий не могут рассматриваться как полноценные бюрократы.

Во-вторых, не было общеимперских законодательных актов как в письменной, так и в устной форме. В решении различных судебных дел представители власти опирались преимущественно на обычно-правовые традиции разных этнополитических групп, вожди подчиненных племен сохраняли автономию в судопроизводстве над своими кочевыми общинами. Особые судебные полномочия были у верховного правителя только в военной сфере. Каган и его военачальники могли наказывать воинов, вплоть до смертной казни, опоздавших на сборы, не подготовивших соответствующего набора защитного и наступательного вооружения, нарушителей дисциплины, дезертиров и т. д.

В-третьих, не существовало общей фискальной сети и постоянно действующих норм налоговых сборов. Налоги собирались в основном с земледельцев, попавших в сферу контроля каганатов, а в степи преобладали дани, иррегулярные поборы и традиционные формы «оплаты» услуг власти предержащих (передача определенного количества скота для ритуальных действия и походов, организация праздников с застольями, символические дарения и пр.). Попытки ввести элементы регулярных фискальных поборов, осуществлявшихся китайцами и согдийцами при Эль-кагане (620 – 630), послужили одной из главных причин социальной напряженности в степном сообществе, мятежей и открытой борьбы против тюркской власти, в конечном итоге способствовавших разгрому тюрков и их подчинению Китаю.

Если мы возьмем ряд других показателей, которые учитываются в оценке политического «потенциала», то увидим, что тюркские политики середины VI – первой половины VIII в. по уровню сложности, размерам и численности превосходят компаундные и максимальные вожества. Установлена определенная пропорциональность между количеством общин, включенных в горизонтальные и иерархические структуры того или иного объединения, и уровнем сложности. В Тюркских каганатах количество подчиненных и интегрированных в империю крупных племенных союзов составляло несколько десятков, а вместе с отдельными кланово-племенными группами и оседлыми общинами за пределами монгольских степей достигало сотни. Численность населения кочевых империй в древний и средневековый период варьировалась от 800 тыс. до 1,2 – 1,5 млн человек [20, с. 71 – 79], в то время как в составных (компаундных) и максимальных вожествах земледельцев нормой было несколько десятков тысяч человек. Контроль над обширными территориями и многочисленными зависимыми «подданными» требовал, несомненно, более сложных форм управления. Нельзя также забывать, что институциональным выражением имперского начала в каганатах была военно-иерархическая система, которая в момент ее реального действия (сборы, набеги, война) по сложности организации (десятичный принцип, дисциплина, наличие подразделений, военачальников, отдельных армий, стратегии ведения боевых действий) не уступала многим земледельческим государственным обществам. Лишь при сравнении с армиями ведущих империй-цивилизаций (Рим, Византия, Иран, Китай) заметна разница в тактической подготовке, дисциплинированности, разнообразии вооружений, стратегии коллективных действий между номадами и войсками земледельцами. Но даже с армиями

этих центров цивилизации кочевники могли вести равную борьбу и одерживать временные победы (военное преимущество периферии над более сложными обществами – отдельная тема).

Таким образом, власть в Тюркских каганатах по структуре не обладала всеми признаками государственности, но по масштабам сложности вполне соответствовала этому уровню политической интеграции.

Политическая антропология дает широкий спектр понятий, используемых для оценки разных систем власти (различные типы вожеств и государств, аналоги и альтернативы вожествам и государствам) [17; 11; 4; 6; 28], что позволяет выбрать наиболее адекватные варианты для оценки институтов управления Тюркских каганатов. Современные специалисты исходят из многолинейности (нелинейности) политогенеза и разнообразия форм политического устройства. Учитывается, что наряду с развитием, социально-политические системы могут переживать кризис, стагнацию, трансформацию в сторону упрощения, распад, крах [15; 9; 10]. Государство не является единственным венцом политического развития человечества, а в истории известны примеры не менее сложных форм политического существования, но без явных признаков государственных институтов. Такие политии принято идентифицировать как аналоги или альтернативы государству [4; 6; 7]. Ряд исследователей предлагают более конкретные термины, обозначая сложные государственноподобные образования как гомоархии [5].

Нелинейность проявилась в политической истории Тюркских каганатов. Великий Тюркский каганат был империей, по территории уступавшей только Монгольской державе. В сравнении с детищем Чингис-хана, власть в каганате была менее структурированной, отсутствовала общая управленческая система (западная часть каганата развивалась достаточно автономно); быстро возникли внутренние противоречия между представителями клана Ашина, что привело к междоусобицам и разделению каганата на две самостоятельные политии.

Восточно-тюркский каганат развивался в сторону усложнения, был активным политическим актором в Восточной Азии, но не смог выдержать конкуренции с новой мощной империей в Китае (Тан). Попытка адаптации кочевой периферии к растущей экономической и военной мощи Поднебесной, с помощью усложнения политической деятельности (привлечение к управлению представителей оседлых общин, рост чиновников и введение фискальных сборов) показали, что преодолеть порог сложности, связанный с переходом к государству, данное политическое образование тюрков было не готово.

Для многих кочевых империй характерны разнонаправленные процессы (подъем, упадок, стагнация, кризис и т. д.) и энтропия власти. Второй Тюркский каганат (689 – 744/745) был наглядным примером таких тенденций и процессов. После неудачи Капаган-кагана в создании масштабной центрально-азиатской империи с включением в состав каганата Восточного Туркестана, Джунгарии, Семиречья, Саяно-Алтая, пограничной с Тан линии к югу от Гоби, Ордоса и других территорий, военно-политические ресурсы и энергия Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука были направлены в основном на подчинение мятежных племен и умиротворение степи, а не на развитие каганата в более сложную политическую

структуру, хотя располагали определенным потенциалом (желание Бильге-кагана построить город и распространить буддизм среди кочевников было пресечено советниками).

Необходимо учесть «подвижность» политических систем кочевников, наличие разнонаправленных тенденций как к усложнению, так и к более простым формам. После раскола в начале VII в. Великого Тюркского каганата на две самостоятельные державы (Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты), в восточном ареале степей распря кагана с другими претендентами на престол привела к тому, что официальный правитель вместе со своими сторонниками и верными племенами укрылся в пограничной зоне Суйской империи под защитой китайской армии, а в степи действовали несколько самостоятельных «каганов», система власти была дезорганизована, телесские племена открыто заявляли о независимости. Другой пример связан с событиями 716 – 721 гг., когда в Монголии из-под контроля тюркской власти вышли почти все крупные племенные объединения кочевников, а Бильге-каган и Кюльтегин смогли консолидировать только часть тюркских племен для восстановления империи. В итоге, система управления в Тюркских каганатах на разных этапах их развития может быть определена в диапазоне от кочевого аналога компаундного вожества до аналога раннего государства (периоды правления Эль-кагана в Восточно-тюркском каганате и Капаган-кагана во втором Тюркском каганате).

Уйгурский каганат имел более устойчивую тенденцию к усложнению. Во второй половине VIII в. с развитием строительства городов и крепостей, развитием торговли и рынков, принятием манихейства и его распространением среди рядовых кочевников, созданием иерархической сети управленцев уйгурскую империю можно вполне определенно обозначить как раннегосударственное образование. Дальнейшее развитие каганата позволяет поставить вопрос об оформлении традиционных форм государственности, но процесс этот к моменту разгрома уйгуров кыргызами не был завершен, а значит, сохранились переходные государственные формы.

Еще одна раннесредневековая империя – держава Ляо из-за завоевания обширных территорий с оседлым населением (Бохай, северо-восточный Китай) имела ярко выраженную специфику политической организации, которая только в X в. пережила несколько трансформаций. К началу этого столетия объединение киданей представляло собой союз кочевых вожеств и отдельных племенных объединений. Централизация, осуществленная Абаоци, вызвала сначала возникновение аналога государственности, а затем и появление элементов раннего государства. Завоевания Дэгуана привели к созданию Северной и Южной администраций для управления соответственно киданями, жившими в родовых владениях киданей земледельцами, подчиненными кочевыми племенами (север) и населением китайских провинций (юг) [23, с. 28 – 57, 224 – 236]. Последствиями этих преобразований стало формирование сложной политической «конструкции» в империи Ляо: это была кочевно-оседлая империя с традиционным государственным управлением на территории Южной администрации и постепенным переходом от аналога государства к специфичной форме государственной системы с включением племенных политий

и вождеств в свою структуру в рамках Северной администрации.

В заключение мы можем отметить большие возможности политической антропологии и понятий этой науки в разрешении дискуссионных вопросов оценки политических институтов кочевых империй Центральной Азии периода раннего Средневековья. Ключевое решение заключается в применении таких определений, как кочевые аналоги вождеств и государств к истории Тюркских и Уйгурского каганатов, ранним этапам развития империи Ляо. Они не загоняют исследователя в жесткие рамки дефиниций «суперсложное вождество» или «раннее го-

сударство», которые все равно допускают вариативность характеристик, но дают более четкое понимание уровня сложности политической системы в соответствии с разработанной в науке шкалой типов политической интеграции и связанных с ними моделей политического устройства. В этом контексте оценка кочевых империй раннего Средневековья варьировалась от аналогов компандным чифдомам (Второй Тюркский каганат в 716 – 721 гг.) до формирования сложных государственных систем, включавших политические образования догосударственного уровня (Империя Ляо в первой половине – середине X в.).

Литература

1. Айнос В. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Институт Африки РАН; Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 99 – 109.
2. Амрахов М. И. Возникновение государственности и формы землевладения у тюрков. Баку: Мутарджим, 2011. 120 с.
3. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. Режим доступа: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).
4. Бондаренко Д. М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 198 – 206.
5. Бондаренко Д. М. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введения понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 164 – 183.
6. Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 85 – 163.
7. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Вождества и их аналоги // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 92 – 123.
8. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
9. Классен Х. Дж. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 6 – 32.
10. Классен Х. Дж. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 37 – 54.
11. Классен Х. Дж. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 190 – 218.
12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
13. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2010. 328 с.
14. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
15. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24 – 83.
16. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
17. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 11 – 61.
18. Крадин Н. Н. Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 278 с.
19. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21 – 32.
20. Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
21. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
22. Крадин Н. Н. Кочевники в мировой истории: перспективы моделирования исторических процессов // Проблемы математической истории: математическое моделирование исторических процессов. М.: ЛИБЕРКОМ / URSS, 2008. С. 150 – 171.
23. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907 – 1225). М.: Наука – Восточная литература, 2014. 351 с.
24. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.
25. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
26. Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 143 с.
27. Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 31 – 43.

28. Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 365 – 386.

29. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 239 – 251.

30. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 604 с.

31. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia / D. Sneath. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.

THE CONCEPTS «CHIEFDOM» AND «STATE» IN THE EVALUATION OF THE POLITICAL INSTITUTIONS IN THE EARLY MEDIEVAL EMPIRES OF CENTRAL ASIA

Sergei A. Vasyutin¹,^{*,*}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

@vasutin@history.kemsu.ru, vasyutin2012@list.ru

Received 13.05.2016.

Accepted 13.09.2016.

Keywords: chiefdom, state, Central Asia, nomadic empires, analogues of state systems.

Abstract: The article deals with the evaluation of the political institutions in early medieval Central Asia. The existing approaches to defining the governing systems of the imperial nomad unions focus on the concepts "chiefdom" and "state", but in both cases researchers have to state an absence of total compliance of the nomadic empires' governing structures to the classical attributes of chiefdom and state, thus constantly making reservations, which blur these concepts. The purpose of the work is to consider the possibility of solving this problem by using a broader "net" of terms determining different political systems and stages in their development in relation to early medieval nomadic empires. The methodological base of the article is the modern conceptions of multilinearity and diversity of the political genesis. The research has resulted in determination of a range of concepts which could better reflect the specificity of political institutions of different nomadic empires or make this evaluation more neutral but providing a clearer understanding of the complexity level of the political organization.

* The article has been written within the state task of the Ministry of Education and Science of Russia № 33.1175.2014/K.

For citation: Vasyutin S. A. Kontsepty «vozhdestvo» i «gosudarstvo» v otsenke politicheskikh institutov rannesrednevekovykh imperii tsentral'noi Azii [The concepts «chiefdom» and «state» in the evaluation of the political institutions in the early medieval empires of central Asia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 22 – 27. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-22-27.

References

1. Ainos V. Kul'turnyi kapital, nabegi za skotom i voennoe prevoskhodstvo traditsionnykh skotovodov [Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists]. *Kochevaia al'ternativa sotsial'noi evoliutsii* [Nomadic Pathway in Social Evolution]. Moscow: Institut Afriki RAN; Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy RAN, 2002, 99 – 109.

2. Amrakhov M. I. *Vozniknovenie gosudarstvennosti i formy zemlevladieniia u tiurkov* [The emergence of State and land form the Türks]. Baku: Mutardzhim, 2011, 120.

3. Barfield T. Dzh. *Opasnaia granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BS to AD 1757)]. Ed. Ruchlyadev D. V.; transl. Ruchlyadev D. V., Kuznetsov B. V. Saint-Petersburg, 2009, 248. Available at: <http://barfield.narod.ru> (accessed 12.07.2012).

4. Bondarenko D. M. «Gomologicheskie riady» sotsial'noi evoliutsii i al'ternativy gosudarstvu v mirovoi istorii (postanovka problemy) [«Homologous series of» social evolution and state alternative in world history (problem)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 198 – 206.

5. Bondarenko D. M. Gomoarkhiia kak printsip sotsial'no-politicheskoi organizatsii (postanovka problemy i vvedeniia poniatii) [Gomoarhiya as a principle of social and political organization (formulation of the problem and the introduction of the concept)]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 164 – 183.

6. Grinin L. E. Ranee gosudarstvo i ego analogi [Early state and its analogues]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 85 – 163.

7. Grinin L. E., Korotayev A. W. Vozhdestva i ikh analogi [Chiefdoms and their analogues]. *Politicheskaia antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 92 – 123.

8. Kamalov A. K. *Drevnie uigury VIII – IX vv* [Ancient Uighur VIII – IX centuries]. Almaty: Nash mir, 2001, 216.
9. Klassen Ch. J. Problemy, paradoksy i perspektivy evoliutsionizma [Problems and prospects of the paradoxes of evolution]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 6 – 32.
10. Klassen Ch. J. Evoliutsionizm v razvitii [Evolutionism in development]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 37 – 54.
11. Klassen Ch. J. Teoriia rannego gosudarstva segodnia [The theory of the early state today]. *Politicheskaia antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 190 – 218.
12. Kliashtorni S. G. *Istoriia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma* [The History of Central Asia and the monuments of runic letters]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003, 560.
13. Kliashtorni S. G. *Runicheskie pamiatniki Uigurskogo kaganata i istoriia evraziiskikh stepei* [Runic monuments Uighur khanate and the History of the Eurasian steppes]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010, 328.
14. Kliashtorni S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [The Steppe Empire of ancient Eurasia]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005, 346.
15. Korotaev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A. Al'ternativy sotsial'noi evoliutsii (vvodnye zamechaniia) [Alternatives to Social Evolution (opening remarks)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 24 – 83.
16. Kradin N. N. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki)* [The nomadic society (problems formational characteristics)]. Vladivostok: Dal'nauka, 1992, 240.
17. Kradin N. N. Vozhdestvo: sovremennoe sostoianie i problemy izucheniia [Chiefdom: Current Status and Problems of Study]. *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from the primitive to the State]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 1995, 11 – 61.
18. Kradin N. N. *Imperiia khunnu* [Empire Xiongnu]. Vladivostok: Dal'nauka, 1996, 278.
19. Kradin N. N. Kochevye imperii: genesis, rastsvet, upadok [Nomadic Empire: the genesis, the heyday, decline]. *Vostok – Oriens*, no. 5 (2001): 21 – 32.
20. Kradin N. N. *Imperiia khunnu* [Empire Xiongnu]. 2nd ed. Moscow: Logos, 2002, 312.
21. Kradin N. N. *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Daik-press, 2007, 416.
22. Kradin N. N. Kochevniki v mirovoi istorii: perspektivy modelirovaniia istoricheskikh protsessov [Nomads in the history of the world: the prospects of modeling of historical processes]. *Problemy matematicheskoi istorii: matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh protsessov* [Problems of mathematical history: mathematical modeling of historical processes]. Moscow: LIBERKOM / URSS, 2008, 150 – 171.
23. Kradin N. N., Ivliev A. L. *Istoriia kidan'skoi imperii Liao (907 – 1225)* [The history of the Khitan Liao Empire (907–1225)]. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014, 351.
24. Kradin N. N., Skrynikova T. D. *Imperiia Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 2006, 557.
25. Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic State of the Huns to the Manchus]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 1997, 319.
26. Savinov D. G. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Iuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ia* [States and cultural genesis in South Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 143.
27. Savinov D. G. Sistema sotsial'no-etnicheskogo podchineniia v istorii kochevnikov Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri [The system of social and ethical subordination in the history of Central Asian nomads and southern Siberia]. *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2005, Book 2, 31 – 43.
28. Skal'nik P. Kontseptsii rannego gosudarstva v antropologicheskoi teorii [The Early state concept in anthropological theory]. *Politicheskaia antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 365 – 386.
29. Shirosi N. Etapy kochevykh gosudarstv mongol'skikh stepei [Stages of nomadic Mongolian steppes States]. *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2008, Book 3, 239 – 251.
30. Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the Outside World]. 3th ed. Almaty: Daik-press, 2000, 604.
31. Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press, 2007, 273.